

Daria M. Golikova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Systemic Ties of Personal Names through the Lens of Their Lexical Derivatives

Voprosy onomastiki, 2018, Volume 15, Issue 2, pp. 139–161

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.018

Language of the article: Russian

Голикова Дарья Михайловна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Системные связи антропонимов через призму отантропонимических дериватов

Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 2. С. 139–161

DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.018

Язык статьи: русский

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ АНТРОПОНИМОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ*

В настоящей статье массив личных имен собственных рассматривается как система, элементы которой — невоплощенные антропонимы христианской культуры, включающие в себя коннотации и ассоциации, присвоенные этим антропонимам в процессе их функционирования внутри лингвистической и культурной системы. Наличие системных связей имен верифицируется через выявление микросистем отантропонимических дериватов. На базе русского и французского диалектного материала строится классификация микросистем отантропонимических производных по типу связи между элементами этих микросистем. Все механизмы корреляции между отантропонимическими дериватами разделяются на две основные группы: 1) лингвистические связи и 2) экстралингвистические связи. Под *лингвистическими связями* подразумеваются механизмы корреляции отыменных производных, обусловленные самой системой языка. В эту группу входят следующие подгруппы: а) пары производных от мужского и женского варианта одного и того же имени, б) пары, созданные на основе фонетической аттракции (рифма, аллитерация, аттракция к производящему апеллятиву и т. д.), в) устойчивые синтаксические модели, сочетаемость отыменных производных внутри которых может быть ограничена. Под *экстралингвистическими связями* подразумеваются корреляции, возникшие на основе взаимодействия имен или персонажей — носителей этих имен в экстралингвистической реальности, т. е. в культурном, ритуальном, бытовом или иных кодах «бытийного» плана. Выделено две разновидности такой связи: а) календарные соответствия (хронологически

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным» (госконтракт № 34.2316.2017/ПЧ).

близкие дни памяти святых становятся основанием для объединения производных от имен этих святых); б) корреляции, возникшие на основе прецедентных текстов. При этом под прецедентным текстом может пониматься и отдельное литературное произведение, и семиотически неоднородное единство, функционирующее в культуре, взаимодействующее с другими текстами данной культуры и включающее в себя сложную иерархию более простых текстов (тексты Священного Писания, комплекс фольклорных текстов и т. п.).

Ключевые слова: антропоним, отантропонимические дериваты, системные связи личных имен, антропонимикон, лингвистические и экстралингвистические связи личных имен.

Методика анализа и реконструкции деривационно-фразеологического гнезда одного антропонима уже разработана достаточно подробно и успешно применяется учеными при составлении «языкового портрета» того или иного имени: *Иван* (польск. *Jan*, фр. *Jean*) [Спиридонов, Феоктистова, 2012; 2016; Спиридонов, 2011; Зубкова, 2009; Отин, 1994], *Фома* [Двинягин, 2001], *Светлана* [Душечкина, 2007], *Афанасий* [Березович, 2007, 518–551], *Василий* [Рут, 2008а], *Екатерина* [Рут, 2008б], *Агафон* [Бурыкин, 2015], *Касьян* [Голикова, 2014а], *Тим* [Кондратьева, 1970], *Мария* (польск. *Maria*, фр. *Marie*) [Спиридонов, Феоктистова, 2017] и др. Значительных результатов удалось добиться и при изучении отдельных семантических полей: ученые восстанавливают антропонимический код различных лексико-семантических групп, связанных с социальной, культурной, ритуальной и иными сферами человеческой деятельности [см., например: Peterson, 1929; Березович, Осипова, 2014; Борисова, 2016; Голикова, 2014б; Гура, 1997; Костина, 2011; Кривошапова, 2007; Кучко, 2013; Леонтьева, 2008; 2016; Надель-Червинська, 2010; Страхов, 2013; Тихомирова, 2013; Феоктистова, 2011; и др.].

Не менее продуктивным представляется рассмотрение антропонимикона христианской традиции как системы, элементы которой — невоплощенные антропонимы¹, существующие вне зависимости от гендерной, социальной или территориальной принадлежности имен, не имеющие конкретного референта, наличие которого подразумевается в обычной коммуникативной ситуации. Тот или иной антропоним при этом является репрезентантом всей совокупности коннотаций, приписанных ему культурой. Мы полагаем, что антропонимы могут быть связаны друг с другом именно в своем «списочном», «невоплощенном» качестве и что в антропонимиконе могут возникать микросистемы из двух и более имен, которые воспринимаются носителями именно как связанные друг с другом, в чем-то схожие.

Пока антропоним как языковая и культурная единица не воплощен в речи и не имеет конкретного референта, установить эти связи кажется довольно непростой

¹ Под *невоплощенным антропонимом* понимается «бестелесное» (*disembodied*) имя в терминологии Алана Гардинера, т. е. оним, существующий сам по себе, вне тысяч реальных носителей этого имени [Суперанская, 1973, 80; см. об этом также: Рут, 2001].

задачей. Существующие в языке и культуре системы и микросистемы антропонимов должны «спуститься» на речевой уровень и проявить себя в конкретных употреблениях. Здесь возникает проблема верификации наличия описываемых связей: как только антропоним употребляется в речи для обозначения конкретного человека, у него появляется референт и, следовательно, имя перестает быть абстрактной единицей языка и приобретает конкретное значение, теряя (либо не актуализируя) связи, свойственные «невоплощенной» форме этого антропонима. Эта черта природы антропонима ярко проявляется в сравнении с именами нарицательными: называя конкретный промежуток времени словом *ночь* или *день*, мы не исключаем это слово из парадигмы различных обозначений времени суток, системные связи слова в языке остаются актуальными при его употреблении в речи, так как они обусловлены природой обозначаемых явлений.

Одним из достаточно надежных инструментов верификации наличия системных связей между антропонимами представляются отантропонимические дериваты — те или иные формы имени собственного, перешедшие в разряд имен нарицательных или, по крайней мере, занявшие промежуточное положение, ставшие мезолексами (в терминологии Е. С. Отина [2003, 56]). Действительно, в массиве отантропонимических дериватов часто можно наблюдать микросистемы отыменных производных. Чаще всего это пары, реже — тройки лексем, имеющих общее значение либо функционирующих в одном семантическом поле или одном устойчивом выражении в смежных значениях. Поскольку апеллятивизация онимов в большинстве случаев представляет собой, по сути, реализацию их культурных коннотаций, изучение микросистем отантропонимических дериватов может стать продуктивным методом выявления связей между невоплощенными антропонимами за счет обнаружения корреляции у апеллятивных производных этих антропонимов.

Конечно, нельзя забывать и о том, что некоторые микросистемы могут создаваться на основе формальных языковых и бытийных признаков, особенно в рамках фольклорных текстов или устойчивых выражений (например, механизмом сопряжения в таких случаях могут служить рифма или аллитерация, а также объединение на основе близости дней памяти соответствующих святых в календаре). По этой причине необходимо проводить тщательный анализ каждой отдельной микросистемы дериватов с целью выявления создающих ее механизмов, т. е. в каждом случае необходимо найти ответ на вопрос, почему эти отантропонимические дериваты стали компонентами одной микросистемы, а затем понять, может ли их корреляция свидетельствовать о наличии системной связи между «изначальными» формами невоплощенных антропонимов этой пары в языке и культуре.

Понимание значения ИС как системы семантических пластов, или уровней, основывается на модели семантики имени собственного, разработанной М. В. Голомидовой [1998, 68–70] и дополненной Е. Л. Березович [2007, 60–61]. Следует

подчеркнуть, что акцент в данной работе поставлен не на полной реконструкции системы значений одного имени, а на специфике связи или взаимоотношений внутри пары или иной микросистемы имен и их дериватов.

Конечно, рассмотрение парных дериватов невозможно без должного анализа всех семантических пластов их совместных или связанных значений именно как пары, но глубокая реконструкция того, что Л. А. Феоктистова называет *онимо-апеллятивным комплексом*² [Феоктистова, 2016, 92], для каждого отдельного онима в контексте нашей проблематики кажется излишней. Интерес для нас представляют те пласты и компоненты семантики, которыми антропонимы как бы «зацепляются» друг за друга, составляя пару. Представляется, что именно в этих зонах сопряжения и действуют механизмы, объединяющие отантропонимические дериваты в устойчивую микросистему.

Имеется в виду целый общий пласт или компонент значения, сопряжение на уровне которого порождает одно или несколько семантических полей, где затем функционируют дериваты, производные от «сопряженных» онимов. Впрочем, хронологическая последовательность этих событий может быть любой, например при фонетической аттракции область сопряжения может возникать уже после появления дериватов, в частности в случаях вторичного приобретения коннотаций онимом вследствие, скажем, омонимии корней онима и апеллятива: ср. фр. сэнтон. *bernard, b'rnard*, производные от имени *Bernard*, в значении 'задница', появление которых объясняется аттракцией антропонима к фонетически близким словам, обозначающим экскременты или отходы, или *jacques* в номинациях различных видов птиц, объясняющееся совпадением формы имени с довольно продуктивным в номинации птиц корнем *jak-* (этимологическое гнездо **gak-*, нар.-лат. *gaccus (= лат. *gaius* 'сойка') [см.: Спиридонов, 2011]). Отантропонимические производные, таким образом, не только эксплицитно выражают некоторые аспекты семантического значения одного имени, но и служат своеобразным индикатором некой системной связи между двумя или несколькими антропонимами как единицами языка.

Следует особо отметить, что рассматриваемые в работе зоны сопряжения видятся автору пересечениями семантики антропонимов как единицы языка. Это, как кажется, свидетельствует о наличии не только лексической семантики у антропонима, но и о существовании системных связей между по крайней мере некоторыми антропонимами, т. е. о системности (или элементах системности) антропонимикона. Отантропонимические же дериваты служат индикатором, материальным выражением этих связей, возникающим в зоне

---

² Под онимо-апеллятивным комплексом понимается своеобразный семантический комплекс, характерный для личного имени в рамках определенной лингвокультуры (или нескольких лингвокультур) и представленный в виде полевой структуры. Ядро такой структуры составляют воплощенные и невоплощенные формы антропонима, а периферию — отантропонимические апеллятивные производные, фразеология и паремология [см.: Феоктистова 2016, 91].

сопряжения и позволяющим найти и верифицировать системные связи между невоплощенными антропонимами, предположительно существующие в сознании носителя языка.

Возникновение точек пересечения и, следовательно, механизмов сопряжения двух семантических систем возможно, как кажется, не на всех уровнях значения. В частности, общий категориальный «ядерный» компонент — проприальность — вряд ли может дать продуктивную точку сопряжения для образования микросистемы отантропонимических дериватов. Несомненно, этот компонент является общим для всех имен собственных, что и объединяет их в один класс внутри языка, но внутри самого антропонимикона качество проприальности не может служить признаком для объединения антропонимов в пары, так как в таком случае микросистему можно было бы «создать» из любых случайных онимов. Частный категориальный («человек») и частный дифференцирующий («гендер») компоненты, как представляется, уже могут показывать некоторую корреляцию семантики онимов, но и в этом случае область сопряжения оказывается слишком широкой. Однако комбинация этих компонентов в сочетании с устойчивым употреблением пары дериватов в соответствующем значении, как кажется, может свидетельствовать о наличии пусть слабой и нестабильной, но микросистемы, особенно в том случае, когда механизм сопряжения выявляется достаточно четко (например, сопряжение на основе прецедентного текста: фр. *Robin* и *Marion* ‘типичная пара простолюдина и пастушки’ или ‘пастух и пастушка’ [Ellit; Bibliothèque Méjanes]).

Периферийные компоненты семантического значения (фреймовый, эмотивный, коннотативный) кажутся, напротив, довольно многообещающими в плане возникновения на их уровне точек сопряжения антропонимов и отантропонимических дериватов, так как именно они чаще всего служат отправной точкой для апеллятивизации, что подробно показано в работах Е. С. Отина [2003; 2005]. Конечно, как деоним может мотивироваться не одним, а сразу несколькими компонентами значения производящего онима, так и механизм связи между деонимами может возникать сразу на нескольких уровнях. При этом микросистема дериватов может быть связана на нескольких уровнях и употребляться в одном значении, а может представлять собой систему из нескольких механизмов связи, соединяющих, например, несколько пар омонимичных дериватов в разных значениях. Такие пары обычно реализуют собой сложный комплекс, находящийся выражение в различных культурных, ритуальных и социальных аспектах человеческой жизни, в верованиях, традициях и языке (яркий пример — пара *Мария* и *Иван* в разных языках).

Необходимо, однако, помнить, что не любое совместное употребление отыменных дериватов в устойчивом выражении или ритуальной формуле означает пересечение систем семантики производящих имен. В частности, эти системы могут быть расположены рядом, но не пересекаться, например при фонетической

аттракции дериватов, когда отыменные производные объединяются в одном контексте скорее по формальным признакам, нежели в результате наличия связи между производящими антропонимами.

В настоящей статье механизм возникновения связи между отыменными производными исследуется на материале русского и французского языков. Все механизмы корреляции между отантропонимическими дериватами представляется возможным разделить на две основные группы: 1) лингвистические связи и 2) экстралингвистические связи.

Под лингвистическими связями подразумеваются механизмы корреляции между отыменными производными, обусловленные системой языка или возникающие с помощью собственно языковых механизмов. В эту группу входят следующие подгруппы.

1. Пары дериватов, производных от мужского и женского варианта одного и того же имени. Подобных примеров много во французском языке. Довольно обширную систему значений развивает пара дериватов от имен *Jean* и *Jeanne*. *Jean Bonhomme* ‘крестьянин’ [Peterson, 1929, 40]; *Jean Guêtre* <Жан Гетра> ‘простой мужик’ [Lingvo]; *Jean* ‘обычный человек, деревенщина’, *Jean-Peuple* <Жан-Народ> ‘человек из народа’ [TLFi]; *Jean Deschamps* <Жан с полей> ‘крестьянин’ [Dottin, 1899, 262]. Значение ‘крестьянка’ есть и у женского варианта имени: *Jeanne*, *Jeanneton* (диминутив) — типичные именованья крестьянки, деревенской девушки [Peterson, 1929, III].

Рассматриваемая пара отыменных дериватов закономерно развивает пейоративные коннотации, типичные для популярных крестьянских имен, например «глупость». Употребление различных форм имени *Jean* в значении ‘глупый человек’ охватывает значительную территорию, например *Janjan*, пикард. *Jean-Jean* (редупликация имени), норман. *Jano*, *Janot*, *Janin*, анж. *Jeannot* (диминутивы) ‘имбецил, простак, идиот’ [Peterson, 1929, 67]. Также фиксируются следующие дериваты от *Jean*: *janoterie* ‘крайняя простота, глупость’, *jeannotisme*, *janotisme* ‘глупость, которая проявляется в построении неправильных и уродливых фраз, ведущих к двусмысленности и непониманию’ [Там же, 66]. В данную систему значений дериватов от антропонима *Jean* включается лишь один дериват от женского варианта имени: *Jeannette* ‘глупая женщина’ [Там же, 120]. Такое резкое расхождение в количестве фиксаций можно объяснить тем, что представление о глупости в чистом виде редко является сигнификатом для апеллятивных производных женских имен. Чаще всего к семе глупости добавляются сопутствующие признаки, например болтливость. Представляется, что апеллятивы со значением ‘болтуня’ можно привести рядом с дериватами с семантикой ‘глупая женщина’, поскольку обычно пустая болтовня считается признаком глупости. Дериват от антропонима *Jeanne* зафиксирован в провансальском диалекте в устойчивом выражении *parla coume la bello Jano* <говорить, как красавица Жанна> ‘трещать как кумушка’ [Там же, 125].

Еще одна пейоративная коннотация, усвоенная дериватами рассматриваемой пары, — это «тучность». Производные от *Jean* и *Jeanne* могут употребляться в значении ‘толстый человек’: *Gros-Jean* <толстый Жан> ‘толстый и недалекий человек’ [Peterson, 1929, 62], оксит. *Janquèu* ‘деревенщина, увалень’, *Jausserand* ‘нелюбезный увалень’ [Ibid.]. Женский вариант имени также задействован в деривации: оксит. *Jano Toutouro* ‘пухлая женщина’ (*Toutouro* — подражание звуку трубы; таким образом, толстый человек сравнивается с трубачом, у которого в процессе игры надуваются щеки); оксит. *Janasso* (аугментативная форма) ‘большая и толстая женщина’ [Ibid., 118]. Как мы видим, значение ‘толстый мужчина / толстая женщина’ присутствует у дериватов обоих имен, функционирующих в говорах одной территории.

Jean и *Jeanne*, *Jeannette* встречаются в значении ‘женственный мужчина’, за которым стоят представления о таких качествах, как чрезмерная любовь к женскому обществу или к женской работе. При этом *Jean* обычно употребляется с формантами, сужающими его значение, а *Jeanette* применительно к мужчине в таком уточнении не нуждается: *Jean-fillette* <Жан-девочка> ‘мальчик, которому нравится общество девочек’, *Jean-fille* <Жан — девочка / девушка>, брет. *Jean-Katel* (*Katel* — вероятно, производное от женского имени *Catherine*), *Jean-tout-mêle* <Жан-все-путаёт>, *Jean Cocotte* <Жан Курочка> ‘мужчина, выполняющий женскую работу’ [Peterson, 1929, 92–93]; анж. *Jeannette* ‘мужчина, которым помыкает женщина или который выполняет домашнюю работу’ [Ibid., 141–142]. Фиксируется также устойчивое выражение *faire la jeannette* <изображать жанетту> ‘заниматься домашней работой, если речь идет о мужчине’ [Ibid.]. Семантика домашней работы получает дальнейшее развитие, и дериваты начинают обозначать инструменты для работы по хозяйству, в частности *Jeanette* ‘гладильная доска’ [TLFi] и *ja subu*, *Jean-Surbout*³ ‘небольшое узкое приспособление, которым слуги на фермах пользуются для отжима белья’ [Dottin, 1899, 262].

Итак, дериваты пары имен *Jean* и *Jeanne* развивают довольно обширную систему значений. Употребление их зафиксировано в таких значениях, как ‘крестьянин / крестьянка’, ‘слуга / служанка’, ‘глупец / глупая (и болтливая) женщина’, ‘толстяк / толстуха’ и ‘женственный мужчина или мужчина, занимающийся женской работой’ (и отсюда — ‘инструменты для домашней работы’). Представляется, что в большинстве случаев функционирование производных от женского варианта имени обусловлено употреблением в том же значении дериватов от мужского варианта. *Jeanne*, таким образом, «притягивается» к *Jean* там, где сема пола становится важной.

Jean и *Jeanne* не единственная пара, развивающая совместную систему значений. Мы не будем приводить здесь подробный анализ других микросистем,

³ *Surbout* ‘большой деревянный механизм, крутящийся на стержне, служащий для подъема частей каркаса различных машин’ [Litttré].

ограничимся лишь перечислением нескольких примеров: *Pierre* и *Pierette* ‘крестьянин и крестьянка’ [Peterson, 1929, 41, 112–113], ‘индюк и индюшка’ [Métivier, 1870, 392; Lalanne, 1868, 206]; *Robin* и *Robinette* ‘слуга и служанка’ [Peterson, 1929, 46, 116]; *Jacque* и *Jacquette* ‘лакей и служанка’ [Ibid.], ‘глупец и глупая женщина’ [Ibid., 68, 120]; *Julien* и *Julienne* ‘празднично одетые мальчик или девочка, которые появляются на улицах городов во время праздников или ярмарок’ [C. R. de M., 1839, 295] и т. д. Как и в случае с *Jean* и *Jeanne*, первичным во всех упомянутых парах кажется дериват от мужского варианта имени и точкой сопряжения оказывается частный дифференцирующий компонент «гендер». Следовательно, в данной группе «размах» системы апеллятивных производных характеризует скорее не микросистему как таковую, а продуктивность в языковой системе производящего (чаще мужского) антропонима.

Русская антропонимическая система не знает связей такого типа: в русском языке у популярных имен, таких как *Иван*, *Петр*, *Николай* или *Георгий*, нет женских вариантов. Мы видим здесь влияние системы языка, когда системная разница в антропонимиконе выливается в системную разницу между группами отантропонимических дериватов.

2. Фонетическая аттракция. Это может быть рифма (что характерно для русского языка, в частности для ритуальных текстов, поговорок и песен: *Какова Улька, такова и Акулька* [СРНГ, 1, 228]; *Опять у нашего Софрона поехали андроны* [Там же, 259]), аллитерация (присуще французскому языку: *Gautier* и *Guillaume / Garguille, Pierre* и *Paul* в значении ‘люди, некто’ [Lingvo]) или фонетическая аттракция к производящему апеллятиву не одного, а одновременно двух имен либо одного составного имени (например, франц. *Marie-Lise* в значении ‘амариллис’ [Verrier, 2, 14]).

3. Устойчивые синтаксические модели, в рамках которых могут функционировать: а) производные от любых антропонимов, б) производные от нескольких определенных антропонимов. Во втором случае ограничивается не только набор производящих имен, но и сочетаемость тех или иных производных внутри микросистемы. Заслуживает внимания сравнительная конструкция «как ИС + ИС» (где ИС — имя собственное) в русском языке: *как Катя с Ваней / как Ваня с Маней* ‘о неразлучных людях’ [ЛКТЭ], ср. во французском языке: *prendre A (Pierre / Gautier) pour B (Paul / Garguille)* ‘принимать одного за другого’ [Lingvo].

Очевидно, что одно только совместное употребление зарифмованных дериватов, как и факт фонетической аттракции, не дают основания полагать, что антропонимы образуют устойчивую микросистему. Однако устойчивые синтаксические модели могут служить индикатором для выявления культурно значимых микросистем, поскольку, как показали наши наблюдения, «вакантные места» в таких моделях могут занимать далеко не все антропонимы.

Под экстралингвистическими связями подразумеваются корреляции, возникшие на основе взаимодействия имен или персонажей — носителей

этих имен в экстралингвистической реальности, т. е. в культурном, ритуальном, бытовом или иных кодах «бытийного» плана. На данный момент выделено две разновидности такой связи.

1. Календарные соответствия, когда хронологически близко расположенные дни памяти тех или иных святых становятся основанием для объединения производных от имен этих святых, причем иногда объединение происходит не только на языковом, но и на ритуальном уровне.

В русских диалектах часто встречаются поговорки и приметы, связанные с народным календарем и содержащие пары отантропонимических дериватов: *Абрамий к Илье едет* 'о грозах в период с 7/20 июля по 20 июля / 2 августа' [РНК, 14], *Афанасий и Кирилло забирают за рыло* 'о зимней стуже в середине января' [СРНГ, 1, 293], *Пётр да Илья сердятся* 'о грозах 29 июня / 12 июля и 20 июля / 2 августа' [РНК, 313], *Если Дмитрий в лодке, то и Егор в лодке* 'об отсутствии льда к 26 октября / 8 ноября' [Там же, 124], *Никола загвоздит — Егор намостит* 'о появлении льда к 26 ноября / 9 декабря' [Там же, 134] и т. д.

В приведенных поговорках и приметах референтом отантропонимических производных, на первый взгляд, является святой, в честь которого назван соответствующий день. Этот святой может сердиться, мостить реки, пить, кормить скот и т. д. Но для примет, как кажется, наиболее важна временная отнесенность — в примете фиксируется не только то, что будет происходить, но и когда. За антропонимами (агионимами), таким образом, скрываются хрононимы: вместо выражения *день святого N* употребляется только имя святого.

Приведенные производные не осмысляются как парные в языке, в отличие от, например, таких, как *Иван* и *Мария* или *Петр* и *Павел*. Здесь дериваты объединяются в пару механически, благодаря естественным экстралингвистическим факторам: схожим погодным условиям в соответствующие дни, близкому расположению в календаре дат памяти святых. При этом культурных коннотаций, объясняющих единство пары, для такого типа корреляции обычно не создается. Также не возникает и производных от таких имен, употребляющихся в ином значении, нежели 'конкретная дата'.

Однако в ряде случаев встречаются ряды отыменных дериватов, имеющих достаточно разветвленную систему производных. Одним из таких рядов является тройка *Варвара*, *Савва* и *Николай*.

Дни памяти эти святых идут один за другим — 4(17).12, 5(18).12 и 6(19).12 соответственно — и являются единым комплексом праздничных дней не только в русской культуре, но и у других славянских народов. Не останавливаясь подробно на всех ритуалах и поверьях дней памяти святых Варвары, Саввы и Николая, кратко обозначим только те, что нашли отражение в языковом материале славянских языков.

На Варвару варят кашу, которую затем едят на протяжении всех трех дней: серб. *Варица вари*, *Саввица клади*, *Николица куса* [СД, 1, 290]; болг. *Варвара вари*,

Савва пече, Никола яде [СД, 4, 527]. Вследствие хронологической близости дней памяти и общности обрядов в народном сознании между святыми начинают устанавливаться родственные связи. В Полесье, например, Савва и Никола — братья Варвары [Там же], а у болгар Савва и Варвара — сестры Николы [СД, 1, 290], при этом праздник в честь Николы Зимнего воспринимается как наиболее важный: болг. *Варвара вари, Савва стои, а свети Никола обира праздници* <Варвара варит, Савва стоит, а святой Никола обирает праздники> [СД, 4, 527–528]; рус. *Лучше не саввить и не варварить, а пониколить* [РНК, 283]. В последнем примере мы видим антропонимические дериваты в глагольной форме, составляющие один синонимический ряд: *николить* ‘праздновать день святителя Николы Чудотворца’, *саввить* ‘праздновать день святого Саввы’, *варварить* ‘праздновать день святой Варвары’, ср. *прониколить* ‘пропьянствовать, прогулять день святителя Николы Чудотворца’: *Просаввились мужики, проварварились, последний грош прониколили* [Там же]. Как и другие близкие хрононимы, рассматриваемая тройка функционирует в поговорках о погоде: *Варвара заварит, Савва засалит, Никола закует; Варвара мостит, Савва гвозди вострит, Никола прибывает* ‘о появлении льда и установлении санного пути к 4/17 декабря’ [Там же, 60–61].

Таким образом, календарная близость праздников не только обуславливает механическое совместное употребление производных от имен соответствующих святых, но и может служить отправной точкой для возникновения более тесной связи между персонажами на культурном уровне. Однако на основании подобного материала судить о наличии связи между невоплощенными антропонимами как единицами системы, как кажется, преждевременно. Из приведенного материала видно, что все дериваты от имен *Варвара, Савва* и *Николай* употребляются только в выражениях, связанных с ритуальным комплексом последовательности из трех праздников, и не теряют хрононимической составляющей, т. е. «держит» эти антропонимы и их дериваты вместе все же календарная близость дат, а не связь антропонимов на уровне языковой системы.

2. Корреляции, возникшие на основе прецедентных текстов. Корреляции этого типа также можно разделить на две группы в зависимости от природы текста, в котором бытуют интересующие нас дериваты. Под прецедентным текстом может пониматься и отдельное произведение того или иного жанра, и семиотически неоднородное единство, функционирующее в культуре, взаимодействующее с другими текстами данной культуры и включающее в себя сложную иерархию более простых текстов (тексты Священного Писания, комплекс фольклорных текстов и т. п.). Соответственно, первая группа дериватов — это производные, объединенные в микросистему (либо зафиксированные) в рамках литературного произведения или фольклорного текста, при этом текст этот легко идентифицируется, а сами дериваты фиксируются в языке только в том значении, которое было им «присвоено» этим текстом. Вторая группа — корреляции, представляющие собой сложные культурные и языковые многокомпонентные комплексы,

где источников мотивации несколько, либо они неясны, либо (если источник мотивации очевиден и един) эти производные «живут» в языке и развивают дополнительные значения, не вытекающие напрямую из производящего текста. При этом такая пара дериватов (и соответственно, антропонимов) представляет собой значимый для культуры концепт.

Рассмотрим, например, пару *Robin* и *Marie* во французском языке. В зафиксированных нами случаях употребления для этих двух антропонимов характерно только одно противопоставление: ‘мужчина’ — ‘женщина’, и ни в каких других семантических полях они не функционируют. Причем либо персонажи с именами *Marie* и *Robin* являются любовниками, либо *Robin* влюблен в *Marie*. Имена функционируют в литературной традиции, в частности в пасторалях XIII в., где они формируют типичную пару пастушки и простолюдина [Peterson, 1929, 113–114; Ellit]. Основной сюжет этих пасторалей всегда один и тот же: некто, обычно рыцарь, пытается соблазнить пастушку, не испытывая к ней никаких чувств. Иногда она уступает, но чаще всего отказывает ему, а влюбленный в нее крестьянин прогоняет неудавшегося кавалера ударами палки, выпустив ему след свору собак [Ellit]. В 1285 г. Адамом де ла Алем была написана пьеса «Игра о Робене и Марьон» [Bibliothèque Méjanes], основанная на этом сюжете. Как полагает Петерсон, именно после того, как эта пьеса стала популярной, у деонима *marie* появилось значение ‘пастушка’ [Peterson, 1929, 114].

Наличие культурной связи между онимами в данном случае верифицируется не через отношения дериватов, а через употребление самих имен. Пастораль — это жанр народного творчества, поэтому представляется возможным говорить о наличии стабильной корреляции между *Marie* и *Robin* во французской народной традиции.

Совместное употребление этих имен встречается и в других литературных источниках, например в «Романе о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мёна. Здесь они уже не являются именами персонажей, а употребляются как деонимы, хотя и не переходят полностью в класс апеллятивов:

Car Nature n'est pas si sottie
Que d'avoir fait naître Marotte
Uniquement pour Robichons,
Si bien nous y réfléchissons,
Ni Robichons pour Mariette,
Ni pour Agnès, ni pour Perrette;
Mais nous a faits, mon fils très-doux,
Tous pour toutes, toutes pour tous
[Lorris, 1878, 269]

Природа не так глупа,
Чтобы Марот рождалась
Исключительно для Робишонов,
Если мы хорошенько подумаем,
Робиншоны рождаются не для Марьетт,
Не для Аньес, не для Пьеретт,
А мы сделаны, сынок,
Все для всех, все для всех.

Таким образом, мы видим, что имена *Marie* и *Robin* формируют устойчивую пару с семантикой ‘влюбленные’, ‘пастушка и простолюдин’ или, шире, ‘мужчина

и женщина' [см. также: Peterson, 1929, 109]. Стоит подчеркнуть, что у этой антропонимической пары есть хронологические рамки употребления (средневековье), так как во французском языке употребление парных дериватов не вышло за рамки означенных текстов и сами производные, как кажется, не развили дополнительных значений в процессе употребления в языке, в отрыве от изначального текста.

Обратимся к микросистемам, имеющим в своей основе более «широкий» текст — совокупность текстов христианской традиции и поверий народного христианства. Здесь, конечно, ярче всего представлены агнионимы и их производные.

Чаще всего внимание ученых привлекает пара *Иван* и *Мария* как наиболее продуктивная микросистема. Действительно, ее дериваты фиксируются во множестве семантических полей и ритуальных кодов, имеют прототипическую пару в христианской традиции (Дева Мария и Иоанн Креститель), а календарные соответствия выводят на традицию языческую (купальская обрядность, культ огня и солнца, праздник летнего солнцестояния). Данная пара, несомненно, является значимым культурным концептом как в русском, так и во французском языке, что было неоднократно доказано множеством исследователей [Байбурин, 1983, 210–211; Березович, 2007, 278–292; Голикова, 2013; Грачев, 2009, 286–301; Гура, 1997, 502; Иванов, Топоров, 1974, 230; Колосова, 2009, 162–168; Кривошапова, 2007, 95–97; Родионова, 2000, 165–173; Степанова, 2010; Юдин, 1997].

Поскольку в рамках данной статьи не представляется возможным охватить и половину всего материала по этой микросистеме, обратимся к двум другим, не менее интересным: фр. *Pierre* и *Paul* и рус. *Кузьма* и *Демьян*.

Апостолы Петр и Павел традиционно объединяются в пару в христианской культуре: в католичестве они считаются основателями христианской церкви, первый раз день Петра и Павла как пары апостолов был отмечен в день основания Рима [Cursillos]. С другой стороны, отмечаются и явные противопоставления: Петр — самый первый из апостолов, Павел — самый последний, даже не встречавшийся с Христом до распятия и воскресения; первый — простой рыбак, ученик Иисуса, второй — образованный римлянин, жизненной целью которого до обращения в христианство было истребление последователей этого учения⁴.

При указанных отличиях апостолы гармонично дополняют друг друга в звании основателей христианской церкви. Например, образованный Павел проповедует для язычников и других иноверцев, в то время как рыбак Петр может проповедовать только среди иудеев из-за незнания иностранных языков: «Мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных», — говорит Павел [см.: Десницкий, 2013]. «Прославляя апостолов Петра и Павла в один день,

---

⁴ Интересно и то, что апостол Петр ставился в пару не только с Павлом. Сначала в христианской традиции появилась пара Петра и Андрея, что вполне логично, — это два брата-рыбака, первыми призванные Христом. В иконографии эта пара имеет символическое значение — единство западной (Петр) и восточной (Андрей) церкви [Сруте].

Церковь, кажется, хочет напомнить нам о разнообразии человеческих характеров и путей, ведущих к Богу» [Десницкий, 2014].

Во французских деонимах восприятие этой пары отражается следующим образом: *prendre (Saint) Pierre pour (Saint) Paul* <принять (святого) Петра за (святого) Павла> ‘принять одного за другого, обознаться’ [Peterson, 1929, 20; Guillemaut, 1894–1902, 280; Lincy, 1, 52]; *Paul et Pierre* ‘каждый встречный’; *décoiffer saint Pierre pour coiffer saint Paul* <растрепать святого Петра, чтобы причесать святого Павла>, *déshabiller saint Pierre pour habiller saint Paul* <раздеть святого Петра, чтобы одеть святого Павла> ‘обделить одного, чтобы наделить другого; поддерживать одно в ущерб другому; со Спаса дерет, да на Николу кладет’ [Lingvo]; *découvrir saint Pierre pour couvrir saint Paul* <обнажить святого Петра, чтобы прикрыть святого Павла> ‘отобрать у одного, чтобы дать другому’ [Lingvo; Lincy, 1, 52]; *l’on ne doit taut donner à saint Pierre, que saint Paul demeure derrière* <нельзя отдавать все святому Петру, пусть святой Павел стоит за ним> ‘нельзя отдавать все кому-то одному’; *qui loue saint Pierre ne blasme sant Paul* <кто восхваляет святого Петра, не хулит святого Павла> ‘тот, кто хвалит одного, не ругает другого’ [Lincy, 1, 52]; брет. *cajoler Pierre et Paul* <обхаживать и Петра, и Павла> ‘пытаться угодить всем’ [Sauvé, 1878, 85]; валл. *i sèrè co bin sur abrouhené avâ lès voyes avou Piére ou Paul* <шея, конечно же, вымокнет под дождем, в дороге с Пьером или Полем> ‘о человеке, который задерживается, никак не возвращается’ [BDGLW, 3, 107]; *renvoyer de saint Pierre à saint Paul* <отсылать от Пьера к Полю> ‘гонять от одного к другому’ [Pluquet, 1834, 129]. Отметим, что в употреблении *Pierre* и *Paul* в значении ‘один и другой, тот и другой’ полностью отсутствует сема пола, эти дериваты могут называть как неизвестного мужчину, так и неизвестную женщину: «Употребляя *Pierre* и *Paul*, полом называемых людей обычно пренебрегают» [Peterson, 1929, 108–109].

Мы видим, что образы святых — противоположностей, которые дополняют друг друга, — в этих выражениях становятся поводом для языковой игры, основанной на мотиве мены. Образы прототипических персонажей являются основой семантики пары дериватов.

Не менее весомая причина возникновения приведенных фразеологизмов — это влияние аллитерации, одного из частых способов образования антропонимических пар [см.: Ibid., 109]. Имена французского антропонимикона часто образуют парные дериваты именно благодаря созвучию начальных слогов, ср., например, *prendre Gautier pour Garguille* <принимать Готье за Гаргия> ‘перепутать, попасть пальцем в небо’ [Lingvo].

Другое выражение, в котором участвует эта пара дериватов, зафиксированное во французском языке, — *fleur de Saint-Pierre et de Saint-Paul* <цветок св. Петра и св. Павла> ‘первоцвет весенний’ [Constantin, 1908, 109]. Названия растений — один из самых сложных в этимологическом отношении номинативных классов. В данном случае мы можем предложить лишь гипотезу, что название связывает

окончание цветения этого лекарственного растения с днем памяти апостолов — 29 июня (первоцвет весенний начинает цвести в апреле, а плоды завязываются в мае-июне).

Вторая пара, которую мы рассмотрим в рамках этой группы, — *Кузьма* и *Демьян*. В православной традиции существует три праздника святых Кузьмы и Дамиана (1/14 июля, 17/30 октября и 1/14 ноября). Считается, что все три пары — это разные святые, образ которых, впрочем, во многом схож [<http://www.ethnomuseum.ru/kuzma-i-demyan>]. Существует и другое мнение: культ святых стал настолько популярен, что в греческом православии появилось сразу несколько святых с таким именем⁵ [PLS].

Кузьма и Дамиан — покровители врачей и целителей. Братья-близнецы при жизни исцеляли людей и не брали за это плату, за что были названы бессребренниками. Святые упоминаются в заговорах от различных болезней, например: «въ синемъ морѣ есть святой Божій островъ; на святомъ Божьемъ островѣ святая Божья церковь; въ той святой Божьей церкви есть престолъ Господень, на томъ престолѣ Господнѣ есть священномученикъ Христовъ Антипа, исцѣлитель зубной, и бессребренники Христовы Козьма и Даміанъ. “Исцѣлите скорбь и болѣзнь зубную и грыжу бѣлую”» [Майков, 1869, 55]. Однако в православной традиции «поле деятельности» этих святых простирается дальше медицины. Кажется любопытным проследить влияние не только культурных и экстралингвистических, но и собственно языковых факторов на образы стоящих за именами персонажей.

Так, Кузьма и Демьян превратились в покровителей кузнецов, что, очевидно, связано с фонетической аттракцией имени *Кузьма* к словам *кузня*, *кузница*, *кузнец* и *кузло* (народное название ковки в некоторых областях) [<http://www.ethnomuseum.ru/kuzma-i-demyan>]. В то же время важную роль играет и дата памяти этих святых — 1/14 ноября, начало холодов. Отсюда появилось представление о Кузьме и Демьяне как о кузнецах Бога и зимы, которые заковывают землю в лед и стужу.

Необходимо отметить, что мотив кузнечества связан, по сути, только с одним компонентом пары — именем *Кузьма*. Парность *Кузьмы* и *Демьяна* получается несколько однобокой: компонент *Демьян* никак не обыгрывается, но и не отбрасывается. Возникает единый персонаж, *Кузьма-Демьян*, или *Кузьмодемьян*, с которым и связываются вновь возникающие мотивы: *Кузьма-Демьян — божий кузнец, дороги и реки кует; Невелика у Кузьмы-Демьяна кузница, а на всю святую Русь в ней ледяные цепи куются; Из Кузьмодемьяновой кузницы мороз с горна идет!* [Там же].

⁵ «Leur culte se répandit dans le monde entier, au point que les Grecs crurent à l'existence de plusieurs Côme et Damien (Arabie, 17 octobre ; Rome, 1er juillet ; Asie, 1er novembre ; ailleurs encore, 25 novembre)» «Их культ так широко распространился по всему миру, что греки поверили в существование нескольких Côme et Damien (Аравия, 17 октября; Рим, 1 июля; Азия, 1 ноября; в других местах — 25 ноября» [PLS].

Мотив кузнечества прослеживается и в свадебных формулах или песнях: *Кузьму-Демьяна просят сковать крепкие брачные узы: Матушка Кузьмадемьяна! Скуй нам свадебку долго-надолго, крепко-накрепко, до седой головушки, до долгой бородушки* [РНК, 228]. *Кузьмой-Демьяном* называют и саму свадьбу: «Благословите все от старого до малого Кузьму-Демьяна сыграть» [<http://www.ethnomuseum.ru/kuzma-i-demyan>].

Упомянутый выше мотив бессребреничества сохраняется в образе святых кузнецов — Кузьма и Демьян куют сохи и плуги и раздают их людям, учат крестьян земледелию. От имени святого кузнеца образуются отантропонимические дериваты, например *кузьма* в значении ‘цепь’ в загадке: *Узловат Кузьма, развязать нельзя* [<http://www.ethnomuseum.ru/kuzma-i-demyan>].

Далее область покровительства святых расширяется: Кузьма и Демьян становятся покровителями любого труда, ремесленниками. Этим можно объяснить и обращение к ним женщин за помощью в самых разных сферах трудовой деятельности: *Батюшка Кузьма-Демьян! Сравняй меня, позднюю, с ранними!* ‘просьба пряжи помочь не отстать в работе от тех, кто начал прясть раньше’ [РНК, 228].

Влияет на фольклорный образ святых и календарь сельскохозяйственных работ. В частности, в конце октября — начале ноября в деревнях заканчивалась молотба и в честь домолоток было принято варить кашу. Кузьме и Демьяну приписывается еще один вид работы: существуют поверья, что святые были простыми работниками и чаще всего занимались именно молотить. Как и во всех предыдущих случаях, святые не брали плату за работу, лишь просили хозяек кормить их кашей (отсюда и традиция варить кашу на праздник). Садясь за трапезу в праздничные дни, хозяева приговаривают: *Кузьма-Демьян, приходи к нам кашу хлебать* [<http://www.ethnomuseum.ru/kuzma-i-demyan>]. Календарем обусловлены и представления о Кузьме и Демьяне как о покровителях наук, им нужно молиться об успешной учебе. Ноябрьский день почитания святых был связан с началом обучения детей грамоте, когда все основные хозяйственные работы были закончены и у младших членов семьи появлялось время на учение [Там же].

Подводя итоги, хочется отметить сходство путей деривации русской пары имен *Кузьма* и *Демьян* и французской пары *Pierre* и *Paul*. Если обычно реконструируется путь от культуры к языку, когда отантропонимические дериваты возникают благодаря образу прототипических персонажей — носителей имени или фантомным коннотациям имени (как в случае, например, с парой *Иван* и *Мария*), то здесь мы видим обратное направление — лингвистическая система влияет на само возникновение пары деонимов (в обоих случаях) и на дальнейшее развитие образов прототипических персонажей в фольклоре (в случае *Кузьмы* и *Демьяна*).

Конечно, нельзя не отметить очевидную разницу между парами *Мария* и *Иван*, *Кузьма* и *Демьян* и *Pierre* и *Paul* в плане значимости в рамках культуры и многообразия производного языкового материала. Важно понимать, что наличие

системной связи между невоплощенными антропонимами не является бинарным признаком: нельзя подходить к материалу с позиции «признак либо есть, либо его нет». Более продуктивным кажется располагать выявленные микросистемы на своего рода шкале, где с одной стороны будут находиться такие пары, как, например, *Robin* и *Marie*, — микросистемы, возникшие на основе конкретного литературного или фольклорного текста (или зафиксированные только в них) и не выходящие в употреблении за рамки этих текстов («слабые» связи), а с другой стороны — микросистемы, подобные паре *Мария* и *Иван*, т. е. системы, основывающиеся на христианской традиции (а иногда и подключающие традицию языческую) и развивающие обширную систему апеллятивных производных в различных, зачастую слабо связанных между собой семантических полях и кодах («сильные» связи). Такие микросистемы, как *Кузьма* и *Демьян* в русском и *Pierre* и *Paul* во французском, могут рассматриваться как находящиеся в промежуточном положении, в середине этой шкалы. При этом, как кажется, наличие описанной системной связи между невоплощенными антропонимами внутри антропонимикона в той или иной степени можно предположить у всех микросистем антропонимов, входящих в рассматриваемую группу.

В процессе сбора и анализа материала было выявлено, что массив отантропонимических дериватов в обоих языках (и, предположительно, в любом европейском языке) крайне неоднороден семантически: отыменные производные сильно различаются по степени апеллятивизации, по мотивационным признакам и, как следствие, по способу объединения в искомые микросистемы. Однако, несмотря на эту неоднородность, представляется, что совокупность отантропонимических дериватов того или иного языка имеет системный характер и отыменные производные можно классифицировать по типу корреляции между ними. Свидетельствует ли та или иная микросистема дериватов о наличии в языковом сознании носителя связи между производящими невоплощенными антропонимами, можно судить по группе классификации, к которой принадлежит та или иная пара или тройка отантропонимических дериватов, так как именно механизм, лежащий в основе корреляции дериватов, выявляет природу «точек сопряжения» невоплощенных антропонимов как единиц антропонимической системы языка. Так, микросистемы отантропонимических производных, основанные на экстралингвистических связях в рамках прецедентного текста, с большой вероятностью свидетельствуют о наличии микросистемы невоплощенных антропонимов в системе языка. Эта вероятность повышается при систематической фиксации дериватов в группах классификации, относящимся к лингвистическим связям: к фонетической аттракции и в особенности к устойчивым синтаксическим моделям.

Источники

ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

- Майков Л. Н. Великорусские заклинания. СПб. : Тип. Л. Н. Майкова, 1869.
- РНК — Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М. : АСТ-ПРЕСС, 2015.
- СД — Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- BDGLW — Bullétin du dictionnaire général de la langue wallonne. Liège : Vaillant-Carinanne, 1906–1923. Vol. 1–4.
- Bibliothèque Méjanes Ms. 166 (Rés Ms 14) [Electronic resource]. URL: <http://toisondor.byu.edu/dSCRIPTORIUM/aix166/indexfr.html>.
- C. R. de M. Vocabulaire du Haut-Maine. Le Mans : Dehallais, 1839.
- Constantin A. Flore populaire de la Savoie. Annecy : J. Abry, 1908.
- Crypte — Saints apôtres Pierre et Paul. Homélie prononcée à Bussy par le père Boris le 22 juillet 2002 [Electronic resource]. URL: <http://www.crypte.fr/homelies/pierre-et-paul.html>.
- Cursillos — Mouvement des Cursillos Francophones du Canada [Electronic resource]. URL: <http://cursillos.ca/formation/reflexions-dominicales/annee-A/R-A39-Pierre-Paul.htm>.
- Dottin G. Glossaire des parlers du Bas-Maine. Paris : Welter, 1899.
- Ellit. Littérature française du douzième siècle à nos jours [Electronic resource]. URL: <http://www.rabac.com/demo/ELLIT/Articles/L352.htm>.
- Guillemaut L. Dictionnaire patois de la Bresse Louhannaise. Louhans : A. Romand, 1894–1902.
- Lalanne. Glossaire du patois poitevin. Poitiers : Typ. De A. Dupré, 1868.
- Lincy Le R. de. Le livre des proverbes français. Paris : A. Delahays, 1850–1859. Vol. 1–2.
- Lingvo 12. Электрон. дан. М. : АБВУ, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Littre — Dictionnaire de la langue française par E. Littré [Electronic resource]. URL: <https://www.littre.org/definition/surbout>.
- Lorris G. de. Le Roman de la Rose / éd. accompagnée d'une traduction en vers, précédée d'une introd., notices historiques et critiques; suivie de notes et d'un glossaire par Pierre Marteau. Vol. 3. Orléans : H. Herluison, 1878.
- Métivier G. Dictionnaire franco-normand. London : Williams and Norgate, 1870.
- Peterson A. Le passage populaire des noms de personnes à l'état de noms communs dans les langues romanes et particulièrement en français. Etude de sémantique. Uppsala : Appelbergs boktryckeri aktiebolag, 1929.
- PLS — Petite litanie des saints [Electronic resource]. URL: <http://damien.jullemier.pagesperso-orange.fr/sts/litanie.htm>.
- Pluquet F. Contes populaires, préjugés, patois, proverbes, noms de lieux de l'arrondissement de Bayeux. Rouen : Edouard frère, 1834.
- Sauvé L.-F. Proverbes et dictons de la Basse-Bretagne. Paris : H. Champion, 1878.
- TLFi — Trésor de la langue française informatisé [Electronic resource]. URL: www.atif.atif.fr/.
- Verrier A.-J. Glossaire étymologique et historique des patois et des parler d'Anjou. Angers : Germain & G. Grassin, 1908. Vol. 1–2.

Исследования

- Байбури А. К. К описанию структуры славянского строительного ритуала // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М. : Наука, 1983. С. 206–226.
- Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
- Березович Е. Л., Осипова К. В. Пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. С. 368–371.

- Борисова Е. О.* Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте : дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2016.
- Бурыкин А. А. Агафон.* Прецеденты, топический ореол и этнолингвистические характеристики антропонима // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее : сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. (Кострома, 17–18 октября 2014 г.) / отв. ред. и сост. Н. С. Ганцовская. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. С. 90–99.
- Голикова Д. М.* Бинарные корреляции во французском антропонимиконе: бином *Marie — Jean* // Слово в традиционной и современной культуре : тез. IV межвуз. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 18 мая 2013 г.) / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 18–21.
- Голикова Д. М.* Имя *Касьян* в русском языковом пространстве // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию К. Н. Прокошевой / гл. ред. Ю. Г. Гладких. Пермь : ПГПУ, 2014а. С. 112–116.
- Голикова Д. М.* Отантропонимическая деривация во французском языке: семантическое поле «глупость» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. IV Междунар. науч. конф. молодых ученых, посвящ. 80-летию юбилею каф. ин. яз. (7 февраля 2014 г.) / общ. ред. Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, Л. А. Запелова и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014б. С. 12–18.
- Голомидова М. В.* Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998.
- Грачев М. А.* Русская воровская кличка: мифы и реальность. М. : ЭЛПИС, 2009.
- Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997.
- Двинытин Ф. Н.* Пословичный *Фома* // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. : в 2 ч. / отв. ред. Т. М. Николаева. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2001. Ч. 2. С. 143–144.
- Десницкий А. С.* Апостол Симон Петр. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.spbda.ru/lib/a-2584.html>.
- Десницкий А. С.* Апостолы Петр и Павел: два непохожих апостола. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/petr-i-pavel-dva-nepoxozhix-apostola/#ixzz3aUF6FLzL>.
- Душечкина Е. В.* Светлана. Культурная история имени. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007.
- Зубкова Л. И.* Иван // Рус. речь. 2009. № 3. С. 99–103.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М. : Наука, 1974.
- Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М. : Индрик, 2009.
- Кондратьева Т. Н.* О Титах, Титах Титычах и Титовых детях // Рус. речь. 1970. № 1. С. 78–82.
- Костина Е. А.* Особенности языковой зашифровки эвфемизмов-соматизмов тематической группы смерти (на материале русского народного творчества) // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2011. № 4 (18). С. 111–114.
- Кривошапова Ю. А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2007.
- Кучко В. С.* Обманщик и обманутый в зеркале русской диалектной лексики // Рус. речь. 2013. № 4. С. 97–100.
- Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург : Изд-во РГПУ, 2008.
- Леонтьева Т. В.* Оценка поведения человека в русском диалектном дискурсе (на материале диалектной лексики костромского Поветлужья) // Динамика традиции в региональном измерении: Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края / отв. ред. и сост. И. А. Морозов, И. С. Слепцова. М. : ИЭА РАН, 2016. С. 330–352.

- Надель-Червиньска М.* Язык совдепии и мотивация семантического переноса в языке маргинальных сред: имена собственные как этнические стереотипы в уголовных жаргонах польском и русском // Полит. лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 109–125.
- Отин Е. С.* Иван // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Школа-Пресс, 1994. С. 85–90.
- Отин Е. С.* Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопр. языкознания. 2003. № 2. С. 55–72.
- Отин Е. С.* Коннотативна ономастична лексика // Отин Е. С. Труды по языкознанию. Донецк : Юго-Восток Лтд, 2005. С. 111–121.
- Родионова И. В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2000.
- Рут М. Э.* Антропонимы: размышления о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. Сер. «Гуманитар. науки». Вып. 4. С. 59–64.
- Рут М. Э.* Имя *Василий* в русском языковом пространстве // У чистого источника родного языка : сб. науч. ст. к 60-летию проф. В. И. Супруна / под ред. Е. В. Брысиной. Волгоград : Перемена, 2008а. С. 209–214.
- Рут М. Э.* Факторы формирования коннотативных смыслов имени: *Екатерина* и производные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2008б. Вып. 6. С. 102–119.
- Спиридонов Д. В.* К этнолингвистической характеристике имени *Жак* во французских диалектах // Вопр. ономастики. 2011. № 11 (1). С. 36–50.
- Спиридонов Д. В., Феоктистова Л. А.* К сопоставительному изучению семантических дериватов личного имени: рус. *Иван*, польск. *Jan*, фр. *Jean* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. (8–12 сентября 2012 г.) : в 2 ч. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. Ч. 1. С. 268–270.
- Спиридонов Д. В., Феоктистова Л. А.* Русский *Иван* и его «братья»: польск. *Jan* и фр. *Jean* (к вопросу об этнокультурной специфике личного имени) // Acta onomastica. 2016. № 56. С. 76–92.
- Спиридонов Д. В., Феоктистова Л. А.* *Мария, Marie, Marie*: наброски к языковому портрету // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею М. Э. Рут / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 434–452.
- Степанова Ф. В.* Концепт бинорма *Иван* и *Мария* в русской картине мира // Проблемы общей и региональной ономастики : материалы VII Междунар. науч. конф. / ред. Р. Ю. Намитокова. Майкоп : Изд-во АГУ, 2010. С. 82–85.
- Страхов А. Б.* Русские слова со значением ‘обмануться’ и ‘обмануть’, ‘обманщик’ и ‘простак’ в кругу народно-этимологических и научных сближений // Palaeoslavica. 2013. Vol. 21. № 2. Р. 260–287.
- Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.
- Тихомирова А. В.* Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2013.
- Феоктистова Л. А.* Русские народные названия психофизических состояний, болезней и смерти, образованные от антропонимов // IX Конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. (Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.) / ред. В. А. Тишков и др. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2011. С. 509–510.
- Феоктистова Л. А.* К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопр. ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 85–116.
- Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М. : МОНФ, 1997.

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

анж.	анжуйский диалект французского языка
брет.	бретонский диалект французского языка
валл.	валлонский диалект французского языка
нар.-лат.	народная латынь
норман.	нормандский диалект французского языка
оксит.	окситанский язык
пикард.	пикардский диалект французского языка
сэнтон.	сэнтонжский диалект французского языка

***

Голикова Дарья Михайловна

аспирант кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
комн. 306
E-mail: d.golikova@gmail.com

Golikova, Daria Mikhailovna

PhD Student, Department of Russian
Language, General Linguistics and Speech
Communication, Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306
620000 Ekaterinburg, Russia
E-mail: d.golikova@gmail.com

Daria M. Golikova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

SYSTEMIC TIES OF PERSONAL NAMES THROUGH THE LENS OF THEIR LEXICAL DERIVATIVES

The present article explores the corpus of personal names as a system of “disembodied” anthroponyms of the Christian culture retaining all the connotations and associations they acquired within the linguistic and cultural system they belong to. Intrinsic linkages found between these names are verified through establishing systemic correlations between their derivatives. The latter are further classified, based on the type of the correlation between their elements, exemplified by Russian and French dialects’ material. All of the correlation mechanisms fall into two main groups: 1) linguistic correlations and 2) extralinguistic correlations. Linguistic correlations proceed from the language itself and include a) pairs of derivatives from the male and female variants of the same name, b) pairs created by the phonetic attraction (rhyme, alliteration, attraction to a common noun, and so on), c) consistent syntactic patterns with limited combinatory potential of the derivatives. Extralinguistic correlations are driven by interactions of the names or thus-named characters in the extralinguistic reality (culture, rituals, everyday life, and so on). There are two types of these correlations identified: a) calendar ones (the chrono-

logical proximity of the days dedicated to saints may provide for the approximation of their names derivatives) and b) text-based correlations. Hereby, a precedent text can be likewise represented by a specific work of literature or by a semiotically heterogeneous unity of basic texts (excerpts from the Holy Scripture, folklore texts, and so on), that exists within a culture and interacts with the rest of its elements.

Key words: anthroponyms, personal names derivatives, systemic ties of personal names, linguistic correlations of personal names, extralinguistic correlations of personal names.

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the grant “The Territory of the Volga-Dvina Interfluvium and Belozersky Region: Regional History and Culture in view of the Linguistic Data” (contract No. 34.2316.2017 / ПЧ).

- Baiburin, A. K. (1983). K opisaniiu struktury slavianskogo stroitel'nogo rituala [On the Structure of Slavic Building Rituals]. In T. V. Tsiv'ian (Ed.), *Tekst: semantika i struktura* [The Text: Semantics and Structure] (pp. 206–226). Moscow: Nauka.
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L., & Osipova, K. V. (2014). Pustoi sup i nekrepkii chai v zerkale iazyka [Empty Soup and Weak Tea as Reflected in the Language]. In E. L. Berezovich, *Russkaia leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian Vocabulary Against Common Slavic Background: Semantic-Motivational Reconstruction] (pp. 368–371). Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke.
- Borisova, E. O. (2016). *Russkaia leksika so znacheniem bystroty i medlitel'nosti v semantiko-motivatsionnom aspekte* [Russian Words of Fast and Slow Movement in the Semantic-Motivational Aspect] (Doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural Federal University, 2016.
- Burykin, A. A. (2015). Agafon. Pretsedenty, topicheskii oreol i etnolingvisticheskie kharakteristiki antroponima [Agathon. Precedents, Traditional Image and Ethnolinguistic Features of the Personal Name]. In N. S. Gantsovskaya (Ed.), *Vtorye Gromovskie chteniia. Russkie narodnye govory: proshloe i nastoiashchee* [The Second Gromov's Readings. Russian Folk Dialects: Past and Present] (pp. 90–99). Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova.
- Desnitsky, A. S. (2013). *Apostol Simon Petr* [Peter the Apostle]. Retrieved from <http://old.spbda.ru/lib/a-2584.html>.
- Desnitsky, A. S. (2014). *Apostoly Petr i Pavel: dva nepokhozhikh apostola* [Peter and Paul: The Two Unlike Apostles]. Retrieved from <http://www.pravmir.ru/petr-i-pavel-dva-nepoxozhix-apostola/#ixzz3aUF6FLzL>.
- Dushechkina, E. V. (2007). *Svetlana. Kul'turnaia istoriia imeni* [Svetlana. A Cultural History of the Name]. Saint Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt- Peterburge.
- Dvinyatin, F. N. (2001). Poslovichnyi Foma [The Proverbial Thomas]. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Imia: vnutrenniaia struktura, semanticheskaia aura, kontekst* [The Name: Underlying Structure, Semantic Image, Context] (Vol. 2, pp. 143–144). Moscow: In-t slavianovedeniia RAN.
- Feoktistova, L. A. (2011). Russkie narodnye nazvaniia psikhofizicheskikh sostoianii, boleznei i smerti, obrazovannye ot antroponimov [Traditional Russian Terms For Psycho-Physical States, Illnesses and Death, Derived From Personal Names]. In V. A. Tishkov et al. (Ed.), *IX Kongress etnografov i antropologov Rossii* [9th Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia] (pp. 509–510). Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Feoktistova, L. A. (2016). K metodike analiza assotsiativno-derivatsionnoi semantiki lichnogo imeni [Towards a Methodology for the Analysis of Associative-Derivational Meaning of a Personal Name]. *Voprosy onomastiki*, 13 (1), 85–116. <https://doi.org/10.15826/vopr.onom.2016.13.1.0005>

- Golikova, D. M. (2013). Binarnye korreliatsii vo frantsuzskom antroponimikone: binom *Marie — Jean* [Binary Correlations in French Personal Names: the Binomial *Marie — Jean*]. In M. E. Rut (Ed.), *Slovo v traditsionnoi i sovremennoi kul'ture* [The Word In Traditional and Contemporary Culture] (pp. 18–21). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Golikova, D. M. (2014a). Imia *Kas'ian* v russkom iazykovom prostranstve [The Name *Kas'ian* in the Russian Language]. In Yu. G. Gladkikh (Ed.), *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniia* [Problems of Linguistic Area Studies] (pp. 112–116). Perm: PGGPU.
- Golikova, D. M. (2014b). Otantropnimicheskaiia derivatsiia vo frantsuzskom iazyke: semanticheskoe pole «glupost'» [Deantroponymic Derivation in the French Language: the Semantic Field of “Foolishness”]. In Zh. A. Khramushina, A. S. Porshneva, & L. A. Zapevalova et. al. (Eds.), *Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka* [Topical Issues of the Philological Studies of the 21st Century] (pp. 12–18). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Golomidova, M. V. (1998). *Iskusstvennaia nominatsiia v russkoi onomastike* [Artificial Naming in Onomastics]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.
- Grachev, M. A. (2009). *Russkaia vorovskaia klichka: mify i real'nost'* [Russian Thieves' Nicknames: Myths and Reality]. Moscow: ELPIS.
- Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii* [The Symbolism of Animals in the Slavic Popular Traditions]. Moscow: Indrik.
- Ivanov, V. V., & Toporov, V. N. (1974). *Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei* [Investigations of Slavic antiquities]. Moscow: Nauka.
- Kolosova, V. B. (2009). *Leksika i simvolika slavianskoi narodnoi botaniki. Etnolingvisticheskii aspekt* [Vocabulary and Symbolism of the Slavic Traditional Botany in the Ethnolinguistic Aspect]. Moscow: Indrik.
- Kondratyeva, T. N. (1970). O Titakh, Titakh Titychakh i Titovykh detiakh [On the Russian Name *Tit*, its Patronymic Form *Tit Titych*, and its Further Derivatives]. *Russkaia rech*, 1, 78–82.
- Kostina, E. A. (2011). Osobennosti iazykovoi zashifrovki evfemizmov-somatizmov tematicheskoi grupy smerti (na materiale russkogo narodnogo tvorchestva) [Features of Linguistic Encoding of Euphemism-Somatizms of the Thematic Group of ‘Death’ (Based on the Russian Folklore)]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (18), 111–114.
- Krivoshchapova, Yu. A. (2007). *Russkaia entomologicheskaiia leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii* [Russian Entomological Vocabulary in the Ethnolinguistic Perspective] (Doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural Federal University, 2007.
- Kuchko, V. S. (2013). Obmanskchik i obmanutyi v zerkale russkoi dialektnoi leksiki [Dialectal Words for the Deceiver and the Deceived in the Russian Language]. *Russkaia rech*, 4, 97–100.
- Leontyeva, T. V. (2008). *Intellekt cheloveka v russkoi iazykovoi kartine mira* [Human Intellect in the Russian Language Worldview]. Ekaterinburg: Izd-vo RGPPU.
- Leontyeva, T. V. (2016). Otsenka povedeniia cheloveka v russkom dialektnom diskurse (na materiale dialektnoi leksiki kostromskogo Povetluzh'ia) [Words for the Evaluation of Human Behaviour in Russian Dialects (Based on the Vocabulary of Povetluzhye, Kostroma Region)]. In I. A. Morozov, & I. S. Sleptsova (Eds.), *Dinamika traditsii v regional'nom izmerenii: Transformatsionnye protsessy v kul'ture i iazyke Kostromskogo kraia* [The Dynamics of Tradition in Regional Dimension: Transformation Processes in the Culture and Language of the Kostroma Region] (pp. 330–352). Moscow: IEA RAN.
- Nadel-Czerwińska, M. (2010). Iazyk sovdepii i motivatsiia semanticheskogo perenosa v iazyke marginal'nykh sred: imena sobstvennye kak etnicheskie stereotipy v ugovolnykh zhargonakh pol'skom i russkom [The ‘Soviet Vernacular’ and Motivation for Semantic Transfer in the Language of Marginal Groups: Proper Names as Ethnical Stereotypes in Criminal Slang in Polish and Russian]. *Politicheskaiia lingvistika*, 1 (31), 109–125.
- Otin, E. S. (1994). Ivan. In O. N. Trubachev (Ed.), *Russkaia onomastika i onomastika Rossii: slovar'* [Russian Onomastics and The Onomastics of Russia: A Vocabulary] (pp. 85–90). Moscow: Shkola-Press.

- Otin, E. S. (2003). Konnotativnye onimy i ikh proizvodnye v istoriko-etimologicheskom slovare russkogo iazyka [Connotative Proper Names and Their Derivates in the Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language]. *Voprosy iazykoznanija*, 2, 55–72.
- Otin, E. S. (2005). Konotativna onomastichna leksika [Connotative Proper Names]. In E. S. Otin (Ed.), *Trudy po iazykoznaniiu* [Works on Language Studies] (pp. 111–121). Donetsk: Iugo-Vostok Ltd.
- Rodionova, I. V. (2000). *Imena bibleisko-khristianskoi traditsii v russkikh narodnykh govorakh* [Names of Biblical Christian Tradition in the Russian Dialects] (Doctoral dissertation thesis). Ekaterinburg: Ural State University, 2000.
- Rut, M. E. (2001). Antroponimy: razmyshleniia o semantike [Anthroponyms: Some Thoughts on their Meaning]. *Izvestiia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"*, 4, 59–64.
- Rut, M. E. (2008a). Imia *Vasilii* v russkom iazykovom prostranstve [The Personal Name *Vasily* in the Russian Language]. In E. V. Brysina (Ed.), *U chistogo istochnika rodnogo iazyka* [At the Limpid Source of the Native Language] (pp. 209–214). Volgograd: Peremena.
- Rut, M. E. (2008b). Faktory formirovaniia konnotativnykh smyslov imeni: Ekaterina i proizvodnye [Factors of the Formation of Connotative Meanings of a Name: Ekaterina and Derivatives]. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia recevoei deiatel'nosti*, 6, 102–119.
- Spiridonov, D. V. (2011). K etnolingvisticheskoi kharakteristike imeni Zhak vo frantsuzskikh dialektakh [Ethnolinguistic Characteristics of the Name Jacques in French Dialects]. *Voprosy onomastiki*, 11(1), 36–50.
- Spiridonov, D. V., & Feoktistova, L. A. (2012). K sopostavitel'nomu izucheniiu semanticheskikh derivatov lichnogo imeni: rus. *Ivan*, pol'sk. *Jan*, fr. *Jean* [Towards a Comparative Study of Semantic Derivatives of a Personal Name: Russian *Ivan*, Polish *Jan*, French *Jean*]. In E. L. Berezovich (2012), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology] (Vol. 1, pp. 268–270). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Spiridonov, D. V., & Feoktistova, L. A. (2016). Russkii *Ivan* i ego «brat'ia»: pol'sk. *Jan* i fr. *Jean* (k voprosu ob etnokul'turnoi spetsifike lichnogo imeni) [Russian *Ivan* and his 'Brothers': Polish *Jan* and French *Jean* (Notes on the Ethno-Cultural Specificity of Personal Names)]. *Acta onomastica*, 56, 76–92.
- Spiridonov, D. V., & Feoktistova, L. A. (2017). *Mariia, Maria, Marie*: nabroski k iazykovomu portretu [Maria, Maria, Marie: Sketches for a Linguistic Portrait]. In E. L. Berezovich (Ed.), *V sozvezdii slov i imen: sb. nauch. st. k iubileiu M. E. Rut* [In a Constellation of Words and Names: a Collection of Papers for M.E. Rut's Anniversary] (pp. 434–452). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Stepanova, F. V. (2010). Kontsept binoma *Ivan* i *Mariia* v russkoi kartine mira [The Concept of the Binominal *Ivan* and *Maria* in the Russian Language Worldview]. In R. Yu. Namitokova (Ed.), *Problemy obshchei i regional'noi onomastiki* [Problems of General and Regional Onomastics] (pp. 82–85). Maikop: Izd-vo AGU.
- Strakhov, A. B. (2013). Russkie slova so znacheniem 'obmanut'sia' i 'obmanut', 'obmanshchik' i 'prostak' v krugu narodno-etimologicheskikh i nauchnykh sblizhenii [Russian Words with the Meanings of 'Deceiving Oneself' and 'Deceived', 'Deceiver' and 'Simple' in the Scope of Popular Etymological and Scientific Approximations]. *Palaeoslavica*, 21(2), 260–287.
- Superanskaia, A. V. (1973). *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [The General Theory of the Proper Name]. Moscow: Nauka.
- Tikhomirova, A. V. (2013). *Assotsiativno-derivatsionnaia i frazeologicheskaiia semantika naimenovanii odezhd' v russkoi iazykovoii traditsii* [Associative, Derivational, and Phraseological Meanings of the Names of Clothes in the Russian Language Tradition] (Doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural Federal University, 2013.
- Yudin, A. V. (1997). *Onomastikon russkikh zagovorov. Imena sobstvennye v russkom magicheskom fol'klore* [The Onomasticon of Russian Charms. Proper Names in Russian Magic Folklore]. Moscow: MONF.
- Zubkova, L. I. (2009). *Ivan. Russkaia rech*, 3, 99–103.